

UDC 811.131.1

UDC 811.131.1

Л.И. ЖОЛУДЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: l.zholudeva@gmail.com

L.I. ZHOLUDEVA

candidate of Philology, senior teacher of chair of Romance linguistics of Lomonosov Moscow State University
E-mail: l.zholudeva@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО НОРМИРОВАНИЯ В РАННИХ ИТАЛЬЯНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВЫ НОРМЫ**

**LANGUAGE STANDARDIZATION ISSUES IN EARLY ITALIAN AND PORTUGUESE LINGUISTIC
TREATISES: TERRITORIAL AND FUNCTIONAL BASES OF LANGUAGE NORM**

Статья посвящена трактовке проблем нормализации и кодификации языка в итальянских и португальских лингвистических сочинениях XVI столетия. Итальянские грамматисты сходятся в признании доминирующей роли флорентийского диалекта, однако единый взгляд на функциональную базу нормы отсутствует. Португальские авторы при кодификации языка, как правило, опираются на узус – не только письменный, но и устный.

Ключевые слова: история лингвистических учений, итальянский язык, португальский язык, языковая норма.

The article is devoted to how standardization and codification of language is treated in the XVI-century Italian and Portuguese linguistic treatises. All Italian linguists recognize the dominance of the Florentine dialect; however, there is no common view on what register should constitute the basis of literary norm. Portuguese grammarians tend to base their recommendations on the actual use, both written and spoken.

Keywords: history of linguistics, Italian language, Portuguese language, language norm.

В эпоху Возрождения вопросы языкового нормирования занимают одно из центральных мест в лингвистических сочинениях, посвященных романским языкам. Одновременно с осознанием самостоятельности, ценности и возможностей народных языков наступает и осознание их качественного отличия от нормированных литературных языков с богатой текстовой историей – в первую очередь, латинского и греческого. На данном этапе соотношение между народными языками и латынью видится уже не статичным – по модели «латынь – устойчивый, нормированный язык, народный язык – неустойчивый и хаотичный, лишенный правил», – а динамичным [5, с. 52; 21. с. 311-328]: становится очевидным, что народный язык может быть усовершенствован путем сознательной, целенаправленной работы, в том числе путем его нормализации и кодификации.

Потребность в нормализации и кодификации народных языков также поддерживается практической необходимостью в унификации языка при подготовке книг к печати [24, с. 94-95; 27, с. 78]. Возникает своего рода замкнутый круг: книгопечатание привлекает внимание к проблеме языковой нормы, а тиражируемые печатным путем лингвистические сочинения, в свою очередь, вовлекают в обсуждение данной проблемы все больше участников. Таким образом, позднее Возрождения и начало Нового времени в романской Европе оказываются ознаменованы всплеском интереса к лингвистической

проблематике.

При общности интереса к проблеме нормирования языка, между романскими лингвистическими традициями неизбежно обнаруживаются расхождения в трактовке нормы и в подходе к языковой кодификации. Эти расхождения объясняются различиями в состоянии и условиях развития романских языков, особенностями социолингвистических ситуаций в романских странах, а также спецификой восприятия античного наследия и, не в последнюю очередь, спецификой профессиональной деятельности и научных интересов авторов отдельных сочинений [6, с. 48-49].

Специфика подхода к языковому нормированию и кодификации в рамках различных национальных лингвистических традиций становится наиболее очевидной при их сопоставительном изучении. Именно поэтому в данной статье мы, опираясь на труды итальянских и португальских ренессансных авторов, попытаемся продемонстрировать, насколько по-разному в одну эпоху в странах романской речи могли трактоваться проблемы языкового нормирования. Мы сосредоточимся на том, как в итальянских и португальских лингвистических сочинениях трактуются проблемы выбора территориальной и функциональной основ нормы.

Предпосылки для обсуждения проблем языкового нормирования в Италии и Португалии оказываются весьма несхожими. Для Италии XVI век стал веком споров о языке – questione della lingua. Парадоксальным

образом Италия столкнулась с проблемой языковой унификации задолго до наступления политической централизации и при фактическом отсутствии общенациональной самоидентификации [12, с. 130]. В этой ситуации обсуждение языковых проблем приобрело особую остроту, а круг обсуждаемых в связи с языковой нормализацией и кодификацией вопросов оказался необычайно широким. В противоположность Италии, Португалия к началу XVI века представляла собой единое, централизованное государство, распространившее свое влияние далеко за пределы национальной территории [6, с. 47], а португальцы не только ощущали себя единой нацией, но и в ряде сфер – в первую очередь, в мореплавании – осознавали свое превосходство над всеми прочими европейцами [8, с. 56-57]. Наряду с подъемом национального самосознания, предпосылкой для обсуждения португальцами проблем нормализации и кодификации языка стало то, что на новых территориях они сталкивались с необходимостью объясняться с местным населением, обучать его португальскому языку, параллельно изучая и описывая туземные языки, и заниматься проповедью христианства [4, с. 152-155].

Сопоставление трактовки языковой нормы и подходов к кодификации языка в ранних итальянских и португальских лингвистических сочинениях нам представляется необходимым начать с краткой характеристики круга сопоставляемых памятников. История описания и кодификации итальянского литературного языка начинается с появления в 1445-50 гг краткой грамматики флорентийского вольгаре, известной как «Grammatichetta vaticana» [25, с. 270]. Ее авторство более полувека после публикации в 1908 году вызывало споры [11, с. 392-393]; на настоящий момент считается установленным, что она принадлежит перу Леона Баттисты Альберти, гуманиста и эрудита, известного в первую очередь сочинениями, посвященными математике и архитектуре. Грамматика Альберти, не будучи опубликованной, не смогла оказать существенного влияния на развитие итальянской лингвистической мысли; однако она заслуживает внимания, во-первых, как наиболее ранний опыт описания и кодификации итальянского языка, а во-вторых, как пример грамматического описания, выполненного с опорой на современный автору узус.

Первой из опубликованных грамматик итальянского языка стало сочинение Франческо Фортуньо «Regole grammaticali della volgar lingua» (1516). Именно эта грамматика, а также трактат Пьетро Бембо «Prose della volgar lingua» (1525) пользовались особой популярностью и оказали наибольшее влияние на характер кодификации итальянского литературного языка. Для обоих авторов характерно внимание к языку исключительно в письменной форме и ориентация на литературные модели – узус классиков итальянской литературы Треченто. В несколько смягченной форме подобный подход предлагался и применялся в ряде более поздних сочинений о языке – в частности, в трактате «L'Hercolano» Бенедетто Варки (опубликован в 1570 г.).

Принципиально иным был подход к описанию

языка, характерный для сочинений Джарджорди Триссино: «Epistola de le lettere nuovamente aggiunte alla lingua italiana 1524 «Castellano» (1529), «Dubbio grammaticali» (1529), «Grammatichetta» (1529). В отличие от П. Бембо и его единомышленников, Дж. Триссино относился к сторонникам так называемого «придворного языка», то есть, призывал пишущих по-итальянски ориентироваться не столько на литературные модели, сколько на узус образованных – в первую очередь, придворных – кругов.

Грамматики Паоло дель Поццо («Regole osservanze e avvertenze sopra lo scrivere correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi», 1545) и Пьерфранческо Джамбуллари («Regole della lingua fiorentina» (1552)), как и трактат Клаудио Толемеи («Il Cesano della lingua toscana» (написан в 1525г.), написаны с позиций третьего направления в итальянских спорах о языке – флорентинизма. Для этого направления характерно внимание к узусу – не только письменному, но и устному – современной авторам Флоренции (или же, шире, Тосканы). Отдавая должное классической литературе на флорентийском вольгаре, они все же избегают пуримизма и архаизирующих тенденций в кодификации языка.

Среди созданных в ту же эпоху описаний португальского языка выделяются такие сочинения, как грамматика Фернана де Оливейры («Grammatica da lingoagem portuguesa», 1536) и Жоана де Барруша («Grammatica da lingua portuguesa», 1540) – первые грамматические описания португальского языка, трактаты Дуарте Нунеша де Леан («Orthografia da lingua portuguesa», 1576), Магальяенша де Гандаву («Regra que ensinam a maneira de escrever a ortografia da lingua portuguesa», «Dialogo em defensam da mesma lingua», 1574). Грамматика Фернана де Оливейры отличается вниманием к узусу, причем внимание здесь уделяется как языку в его письменной форме, так и живой разговорной речи; именно устная речь «выступает в грамматике и как основа фиксируемой нормы, и как объект кодификации» [8, с. 109], что для ренессансных лингвистических сочинений являлось большой редкостью. Грамматика Жоана де Барруша более консервативна в духу; здесь в качестве ориентира в процессе кодификации языка зачастую выступает латынь, за счет чего автор нередко делает выбор в пользу архаичных форм, характерных для северных диалектов португальского языка [8, с. 110]. Латинизирующие тенденции отмечаются и у авторов орфографических трактатов того времени, в том числе у Магальяенша де Гандаву. Дуарте Нунеш де Леан, с его интересом к историческим изменениям в языке, в выборе нормативных вариантов чаще руководствуется знанием фонетических процессов. Как мы видим, во многих отношениях подходы португальских авторов XVI века к нормированию языка были различными, однако при этом между ними не прослеживается принципиальных противоречий, подобно тому, что характерно для итальянской лингвистической мысли XVI в.

В данной статье мы ограничимся сопоставительным анализом итальянских и португальских лингвистических

лингвистических сочинений, относящихся к XVI веку. В следующем столетии проблемы языкового нормирования в итальянской лингвистической традиции будут обсуждаться уже несколько в ином ключе. XVII век в Италии пройдет под знаком деятельности Академии della Круска; в 1612 году выйдет в свет первый в Европе академический словарь – Словарь Академии della Круска. В португальской лингвистике XVII век станет веком заката гуманизма [8, с. 31-35]; несмотря на то, что это не будет означать заката португальской лингвистики – напротив, именно в XVII в. появятся выдающиеся лингвистические сочинения таких авторов, как Амару де Робореду, Алвару Феррейра де Вера, Томаш Эштеван и других, – основное внимание в этот период будет уделяться уже несколько иным вопросам; так, на первый план выйдут проблемы универсального языка, лингвистической типологии, прагматики и преподавания языка.

Проблема территориальной базы нормы

Среди проблем, с которыми сталкивались авторы ранних грамматик романских языков, особое место занимает проблема вариативности. Как для Италии [23], так и, хотя и в меньшей степени, для Португалии актуальной в данную эпоху была проблема территориального и социального варьирования языка. Нормализация языка, понимаемая как стихийный отбор вариантов из тех, что представлены в узусе, с их последующим закреплением в качестве «правильных», нормативных [9, с. 23-24], в это время представляет собой не вполне завершённый процесс в португальском языке и едва начавшийся в итальянском; это объясняется особенностями социолингвистических ситуаций в Италии и Португалии и, в целом, условиями формирования романских литературных языков в эпоху Возрождения.

В Португалии XVI век – это время, когда территориальная, социальная и функциональная основы нормы уже оформились и наступает этап устранения остатков полиморфии, обогащения словарного состава (в том числе, за счет диалектизмов и заимствований) и дальнейшего развития синтаксиса [8, с. 57; 2, с. 65]. Как для устной, так и для письменной формы существования языка ориентиром в процессе языкового нормирования служит узус образованных слоев населения.

В Италии к XVI в. назревает необходимость в унификации языка в его письменной форме. Унификация устной речи в этот период даже не становится предметом обсуждения: в устной сфере доминируют диалекты, в том числе структурно весьма далекие от диалекта Флоренции, который со второй половины XV века занимает доминирующие позиции в литературном обиходе. Однако несмотря на то, что на практике тексты на народном языке, адресованные читателям из разных регионов, пишутся на флорентийском диалекте (часто с примесью черт других диалектов или латинизированным) [12, с. 134-135], все же нельзя в полной мере говорить о выдвигании Флоренции (или Тосканы) в качестве территориальной базы нормы в том же смысле, в котором территориальной базой нормы португальского

языка стали южные диалекты. Ориентиром при нормализации итальянского языка стал язык художественных произведений на флорентийском вольгаре XIV века – язык, на котором спустя два столетия не говорил уже никто в Италии, поскольку живая речь Флоренции за это время претерпела целый ряд изменений фонетического и морфологического характера.

Проблема территориальной базы нормы, таким образом, становится одним из наиболее обсуждаемых вопросов в рассматриваемых нами лингвистических сочинениях. Одним из проявлений этого в итальянской лингвистической традиции стало обсуждение проблемы названия литературного языка (вольгаре, тосканский, флорентийский, придворный или итальянский) – проблемы, которой целиком посвящены такие трактаты, как “Il Cesano” Клаудио Толемеи и “Castellano” Джанджорджо Триссино и которая затрагивается почти всеми участниками языковой полемики в Италии первой половины XVI века. Даже в тех сочинениях, где название литературного языка не обсуждается напрямую, авторы вольно или невольно дают понять, какова их позиция в том, что касается выбора территориальной базы итальянского языковой нормы.

Все без исключения грамматисты признают особую роль Тосканы в процессе нормализации и стандартизации литературного языка. Так, Л.Б. Альберти называет сам литературный язык «тосканским»:

“Molto studia la lingua toscana d'essere breve e espedita” «Тосканский язык весьма стремится к краткости и быстроте»¹ (11v 5-6)

Он упоминает Тоскану как своего рода колыбель общетосканского языка, где он сложился на латинской основе, но и не без влияния варварских наречий:

“Alieni sono in Toscana più nomi barberi, lasciati da gente Germana” «Чужды для Тосканы многие варварские слова, оставшиеся от германцев» (11r 12-14).

Наименование «la lingua Tosca», наряду с наименованием «la volgar lingua», становится основным и в грамматике Ф. Фортуньо:

“E così la lingua Tosca li pronuncia, della quale, come dicemmo la penna dev'esser seguitatrice” «И так эти слова произносятся в тосканском языке, которому должно подражать перо» (II p.35);

“...perché nella volgar lingua si doppia in molti nomi e verbi la consonante, laquale si trova scempia nella latina, ma di rado si scempiano le doppie, onde, oppenione, appena, seguendo gli antichi libri Toschi, e secondo la Tosca pronuncia scriveremo.” «... так как в народном языке согласные во многих именах и глаголах удваиваются там, где в латыни не удваивались, а обратное происходило редко, мы будем писать «oppenione», «аррена», подражая старым тосканским книгам и тосканскому произношению» (II p. 46).

У П. Бембо язык называется не только «volgar lingua», но и «la fiorentina lingua», при этом Боккаччо и Петрарка называются уроженцами Тосканы:

“Perciò che se io volessi dire che la fiorentina lingua

¹ Здесь и далее перевод цитат из итальянских лингвистических сочинений мой. – Л.Ж.

più regolata si vede essere, più vaga, più pura che la provenzale, i miei due Toschi vi porrei dinanzi, il Boccaccio e il Petrarca.” «Так как, если бы я хотел сказать, что флорентийский язык более правилен, изящен и чист, чем провансальский, я привел бы в пример двух моих тоscanцев – Боккаччо и Петрарку» (I, 14).

Б. Варки высказывает точку зрения, что язык в равной степени может называться итальянским, тосканским и флорентийским:

“E.: Dunque dicono il vero coloro che affermano, la lingua Fiorentina essere e Toscana, e Italiana. V.: Il vero.” «Э.: Таким образом, правду говорят те, что утверждают, будто флорентийский язык является и тосканским, и итальянским? В.: Да». (Q X)

Однако говоря о том, какой из итальянских вольгаре является самым прекрасным, Варки называет свой родной вольгаре флорентийским:

“niuno nega la lingua Fiorentina esser più bella di tutte l’altre Italiane” (Q VII) «никто не отрицает, что флорентийский язык – самый красивый из всех итальянских».

Дж. Триссино противопоставляет понятия «тосканский» и «итальянский», устанавливая между ними родо-видовые отношения. Однако он отдает себе отчет в том, что общий для Италии литературный язык сложился на тосканской основе, и в завершении «Письма о буквах» пишет, что лучше слишком «приблизиться к тосканскому», чем чрезмерно от него «отдалиться»:

“giudico manco riprensibile peccato l’accostarsi troppo al toscano che l’discostarsi troppo da esso” (§23).

Похуже суждение можно встретить у Ф. Фортуннио, который, не будучи сторонником «придворного языка», тем не менее разделяет взгляд Триссино на тосканский как основу общеитальянского языка, к которому все прочие итальянские вольгаре относятся как частное к общему:

“E quindi alcuni scrivono *immagine, giammai, e femmina*: ma tali voci a me par che più seguano la Romana pronunciatione che la Tosca, e con solo m io ho veduta tal ultima voce scritta in antichi libri Fiorentini: onde si può dire, che tal scriber segue il particolar idioma, e non generale Italico...” «И поэтому некоторые пишут *immagine, giammai* и *femmina*, но мне кажется, что это [написание] слов более подражает римскому произношению, чем тосканскому, а последнее слово я в старых флорентийских книгах видел написанным с одним *m*; так что можно сказать, что такое написание подражает частному наречию, а не общему итальянскому [языку]». (II p.43)

В португальской лингвистической традиции отношения между южными диалектами, составившими территориальную основу нормы, и прочими диалектами (в частности, архаизирующими диалектами Севера), видятся менее равноправными, чем отношения между разными вольгаре Италии, что объясняется, в первую очередь, централизацией страны и доминирующим положением столичного региона. Так, Ф. Оливейра, говоря об одной из диалектных черт, пишет:

“se estas & quaesquer outras semelhantes as meteremos em mão dhũ homẽ velho da beyra ou aldão não lhe parecerão mal” (Ol, xxxvi, D1v) «если эти или какие-нибудь

другие сходные [слова] мы скажем старику из Бейры или крестьянину, они не покажутся ему плохими»².

Таким образом, носители диалектов противопоставляются носителям литературного языка по территориальному и социальному признаку. О «деревенском» характере речи жителей Бейры пишет и Д. Нунс-Леан [8, с. 106]. Более положительно диалектные различия оцениваются в грамматике Барруша, но это сводится не столько к более либеральному пониманию им нормы, сколько к тому, что северные диалекты португальского языка по сравнению с южными отличаются более консерватизмом, а значит, находятся ближе к литературному, что для Барруша является одним из важных критериев отбора вариантов при кодификации.

В силу все той же политической централизации отсутствовали проблемы, связанные с формированием функциональной идентичности, вопрос о названии языка в португальской лингвистике не ставился. Эта проблема осталась типичной особенностью итальянских исследований о языке XVI века и в дальнейшем неоднократно возвращалась к себе своей кажущейся пустотой и абстрактностью. Неудовольствие у историков лингвистики [17, 19]. С точки зрения, столь ожесточенная полемика была вызвана не столько необходимостью в кодификации языка, для которой этот вопрос действительно не представлял особой важности, сколько политической ситуацией, кризисом идентичности в итальянском обществе [с. 181], где роль «хозяев» языка одновременно осуществляла ведущую роль в культурном объединении страны, конструировании своеобразного мифа о новой, единой Италии.

Проблема функциональной базы нормы

Представления о функциональной базе нормы в итальянских и португальских лингвистических сочинениях оказываются еще менее сходными, чем представления о территориальной базе нормы и соотношения литературного языка и диалектов. В итальянских лингвистических сочинениях, пожалуй, наиболее проблемным, пусть не всегда эксплицитно сформулированным, был вопрос, может ли язык в его устной форме быть нормированным и подлежит ли он кодификации.

Автор первой опубликованной грамматики итальянского языка Ф. Фортуннио не был тосканцем, но его грамматика адресована, в первую очередь, таким читателям, как он, ценителям итальянской литературы Тречего, пользующимся в быту диалектами, отличными от флорентийского. Именно в силу этого вторая книга «Regole grammaticali della volgar lingua» почти полностью посвящена проблеме наличия / отсутствия геминатов и согласных: для фонетики диалектов Севера Италии характерно упрощение геминатов, отсюда дополнительные сложности, с которыми сталкивались северяне, пишущие по-тоскански. Грамматика Фортуннио, созданная на основе пристального изучения письменного языка Данте, Петрарки и Боккаччо, была призвана кодифицировать – а точнее, наметить пути кодификации –

² Данная цитата приводится в переводе М.А. Косарик, перевод мой. – Л.Ж.

льянского языка в его письменной форме [24, с. 102]. Однако Фортунно не отвергает полностью идею, что нормированный язык может существовать и в устной форме:

“E dir possiamo per conchiusione de questa parte di regola con l'autorità delle scritture de gli autori nostri, che chiunque in contrario modo parla, o scrive, non lo fa senza commetter errore.” «В заключении этой части правила можно сказать, опираясь на авторитет написанного нашими авторами, что тот, кто иначе говорит или пишет, совершает ошибку». (I, 24).

Примечательно, что здесь “*parla*” предшествует “*scrive*”, что соответствует высказанной Фортунно во второй части грамматики мысли, что “*la penna della lingua è seguitatrice*” «перо подражает речи (букв. «следует за речью»)» (II, 44).

В отличие от Ф. Фортунно, П. Бембо, также уроженец Севера Италии, в “*Prose della volgar lingua*” сосредотачивается исключительно на языке в его письменной форме. Между понятиями «литературный язык» и «язык литературы» Бембо ставит знак равенства; устами одного из участников диалога он заявляет:

“questo favellare tuttavia non è lingua, perciò che non si può dire che sia veramente lingua alcuna favella che non ha scrittore” «Это наречие все же не является языком, так как не может в полной мере называться языком наречия, не имеющее писателей» (I, 14).

Бембо справедливо указывает на то, что основной предпосылкой для языковой унификации в Италии стала литературная мода на сочинения на флорентийском диалекте, который, таким образом, превратился в общеитальянский язык высокой литературы:

“...non solamente i viniziani compositori di rime con la fiorentina lingua scrivono, se letti vogliono essere dalle genti, ma tutti gli altri italiani ancora” «...не только венецианцы пишут стихотворения на флорентийском языке, если хотят, чтобы их читали, но и все прочие жители Италии» (I, 15).

Дж. Триссино в своем «Письме о буквах» также пишет о том, что для него «подражание тосканскому» в «Софонисбе» было средством сделать произведение понятным для всех жителей Италии:

“Come ne la predetta *Sofonisba* si vede: ne la quale ho imitato il toscano, quanto ch'io mi pensava dal resto d'Italia poter essere facilmente inteso” «Это можно увидеть и в вышеупомянутой «Софонисбе»: в ней я подражал тосканскому, поскольку мне казалось, что так меня смогут легко понять в остальных частях Италии» (§22).

Однако Триссино не останавливается на тосканизации собственных произведений; предложенная им реформа орфографии, по-видимому, имела и гораздо более амбициозные задачи. Так, в начале «Письма о буквах», обращаясь к адресату письма папе Клименту VII он пишет:

“...così parimente convenevole cōja mi pare che ... la pronunzia italiana sia in qualche parte illuminata et ajutata” «...точно так же мне кажется подобающим помочь [правильному] итальянскому произношению и прояснить его» (§3).

“e così facendo ... ci aiuterà mirabilmente ad assequire la pronunzia toscana, e la cortigiana, le quali senza dubbio sono le più belle d'Italia” «и так... нам будет легче следовать тосканскому и придворному произношению, которые, без сомнения, являются самыми прекрасными в Италии» (§6).

Таким образом, предпринятая Триссино попытка адаптировать орфографию для более последовательной передачи «тосканского» и «придворного» произношения (разница между ними, по Триссино, оказывается несущественной и сводится, преимущественно, к наличию / отсутствию тосканской дифтонгизации и противопоставлению по открытости / закрытости *o* и *e* в конкретных словах: см. «Письмо о буквах», §21) означала, что он не считал абсолютно невозможным функционирование итальянского литературного языка также и в устной форме. Даже если речь в этом случае шла о крайне ограниченной функциональной сфере (скажем, о декламации литературных произведений), сама идея устной реализации литературного языка, несомненно, являлась для той эпохи нетривиальной.

Грамматисты-уроженцы Тосканы отличаются принципиально иным взглядом на функционирование литературного языка, чем их современники из других регионов. Для них характерно, по сути, отождествление литературного языка с их родным вольгаре [21, с. 335], поэтому, в их представлении, он обладает не только письменной, но и устной формой. Для того чтобы услышать литературный итальянский язык, по их мнению, необходимо было прислушаться к тому, как говорят жители Флоренции [2, с. 183].

К. Толомеи в своем трактате «Чезано» подчеркивает, что первичной для языка является именно устная форма существования:

“la lingua, ... per il fine al quale fu da la natura ordinata, non ha bisogno d'alfabeto alcuno” «язык не нуждается в алфавите для выполнения своей естественной (природной) задачи» (VIII, 54-55).

Толомеи не согласен с теми, кто признает только язык Петрарки и Боккаччо достойным подражания и, в конечном счете, достойным того, чтобы стать основой итальянского литературного языка. С его точки зрения, тосканский вольгаре хорош сам по себе, а писатели лишь позволили ему ярче проявить его достоинства:

“Che ci bisognarebbe fare se 'l Boccaccio non avesse il suo Decamerone scritto, o 'l Petrarca i suoi versi? Tacer forse per questo o punto non scrivere?... Nè dubbito che se quel secolo nel quale scrisse il Boccaccio avesse hauti alcuni altri eccellenti spiriti gli quali o Istorie o Orazioni o libri morali havessero scritti, molto più si vedrebbe riccamente per le carte vestirsi la lingua nostra. La quale, quantunque ne' libri tutte le sue ricchezze non mostri, pur con la voce viva le va a parte a parte altrui scoprendo.” (IX, 9-11) «Что бы нам было делать, если бы Боккаччо не написал свой «Декамерон» или Петрарка свои стихи? Молчать или не писать вовсе? ... И я не сомневаюсь, что, если бы в те годы, когда писал Боккаччо, нашлись бы другие блестящие умы и написали бы речи или книги о истории или морали, наш язык был бы еще богаче украшен.

Хотя язык наш не показывает в книгах всего своего богатства, в живой речи оно мало-помалу открывается».

Литературоцентризму Бембо и его единомышленников жители Тосканы, таким образом, противопоставляют локальный патриотизм и убежденность в превосходстве собственного вольгаре – как в письменной, так и в устной форме [12, с. 139] – над всеми прочими.

Делу распространения литературного языка за пределы Тосканы были призваны служить, в частности, грамматики, написанные носителями флорентийского вольгаре [24, с. 111-112]. Пьерфранческо Джабуллари во вступлении к своей грамматике пишет:

“il disio nondimeno ardentissimo di giovare in quel ch'io poteva; se non a' nostri medesimi, che di me non hanno bisogno; a' forestieri almanco, ed a' gioventù che bramano di saper regolatamente parlare et scrivere, questa dolcissima lingua nostra, tanto onorata et pregiata” (Intr., 9-12) «я весьма хотел бы быть полезным, насколько смогу, не столько для наших [земляков], которые во мне не нуждаются, сколько для чужеземцев и для молодых, которые желают научиться правильно говорить и писать на нашем прекраснейшем языке, столь прославленным и достойным».

Как мы видим, речь идет, в первую очередь, об умении правильно говорить и лишь во вторую – об умении правильно писать (ср. П. Бембо: “non si vede ancora chi delle leggi e regole dello **scrivere** abbia scritto bastevolmente” (I, 1) «еще не нашлось того, кто подробно описал бы законы и правила **письма**»). Не случайно в рукописной версии грамматика Джабуллари называлась “De la lingua che si parla e scrive in Firenze”.

В менее известной грамматике флорентийца П. Дель Россо описывается “l'uso de'l **parlare**” (Vallance, p.66), хотя сочинение и озаглавлено “Regole osservanze, e avvertenze sopra lo **scrivere** correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi”. Дель Россо уделяет немало внимания фонетическим явлениям, характерным для устной речи Тосканы и не находящим письменного отображения – в частности, фоносинтаксическому удвоению, эпитезе и тосканскому придыханию [29, с. 67-70].

Б. Варки также придает большую важность тому, что флорентийский вольгаре – не застывший язык, сфера употребления которого ограничивается литературными произведениями; он продолжает жить в речи современных ему флорентийцев, чья речь, согласно Варки, и должна служить главным образцом для изучающих итальянский язык:

“La lingua Fiorentina ... non solo ha parole (come s'è detto), ma alcuni modi, e maniere di favellare... ma ancora una certa peculiare, o speciale, o particolare proprietà, come hanno tutte l'altre lingue, la quale è quella che io dico non potersi imparare, se non da coloro che son nati, e allevati da piccioli in Firenze” (Q VII) «Во флорентийском языке... есть не только слова (как уже говорилось), но и некоторые способы изъясняться... и одна особая, необычная черта, особенное свойство, из тех, что есть у каждого языка, а именно: ему можно научиться только у тех, кто

родились и росли с самого детства во Флоренции».

При всем разнообразии точек зрения итальянских авторов грамматик и трактатов о языке на то, какой может быть функциональная база литературного языка, все же оказывается возможным выделить некоторые общие тенденции. Большинство авторов не считают невозможным функционирование литературного языка в устной сфере [12, с. 145]. Наибольший оптимизм в этом отношении характерен для так называемых «флорентинистов»; сторонники «придворного языка» и часть архаистов (в частности, Ф. Фортуньо), сосредотачиваясь на кодификации языка в его письменной форме, в ряде случаев также апеллируют к устной речи. Лишь П. Бембо, чьи лингвистические труды оказали, пожалуй, наиболее глубокое влияние на характер кодификации итальянского языка [20, с. 242], ограничивается обсуждением письменной формы его существования.

Для португальских ренессансных лингвистов внимание к вопросам кодификации письменной речи характерно в той же степени, что и для европейской ренессансной лингвистики в целом [8, с. 109, 16, с. 736]: это объясняется как практической необходимостью в фиксации нормы, так и большей «осязаемостью» письменной речи, облегчающей процессы нормализации и кодификации.

Автор орфографического трактата «Regras que ensinam a maneira de escrever a ortografia da lingua portuguesa» Магальяенш де Гандаву, в отличие от более поздних авторов, таких как Алвару Феррейра де Вера (автор орфографического трактата “Orthografia ou modo para escrever certo na lingua portuguesa”, 1631), опирается на письменный узус. Он критикует тех, кто “escrivieron e <...> escriven sus obras en castellano” (D6) «написали и пишут свои труды на кастильском», и предпринимает попытку кодификации португальского языка в его письменной форме, ориентируясь на латынь. Однако, с его точки зрения, это не противоречит стремлению приблизить орфографию к произношению:

“não havia de aver pessoa que se prezasse de si, q não trabalhasse por saber algũ latim, que nisso consiste o falar bem Portugues: & desta maneira facilmete evitarão todos estes erros, & serão perfectos em guardar a orthographia & pronunciação dos vocabulos” (Gan, A5). «Необходимо, чтобы все уважающие себя люди старались изучать латынь, ибо это означает хорошо владеть португальским языком; так они легко избегнут всех этих ошибок и смогут наилучшим образом соблюдать [правила] написания и произношения слов».

Для грамматики Ф. Оливейры характерно внимание как к письменной, так и к устной речи – в первую очередь, обиходно-разговорной [5, с. 43]. Как пишет М.А. Косарик, «Устная речь выступает в его грамматике и как основа фиксируемой нормы, и как объект кодификации» [8, с. 109]. Так, Оливейра заявляет о своем намерении вывести грамматические правила путем наблюдения за узусом, речью: notemos o falar dos nossos homes & da hi a junaremos preceitos (Ol, v, Av v) «обратим внимание на то, как у нас говорят, и на основании этого составим рекомендации». Внимание грамматиста при-

затрагивают многие процессы, протекавшие в его эпоху в устной речи, в частности, усиление редукции гласных (Ol, xviii, Bv; xxv, Bvii v; xxvi, Bviii) и тенденция к эпитезе после конечного -г (Ol, xxix, Cij v).

Для Ж. Барруша, несмотря на то, что в его лингвистической концепции узус имеет меньший вес, чем в концепции Ф. Оливейры (Косарик стр. 100), грамматика – это “hũ módo certo e iusto de falar & escrever, colheito do uso, e autoridade dos barões doutos” (Bar, 2) «точный и правильный способ говорить и писать, основанный на обычае и авторитете образованных людей».

В целом, для португальской лингвистической доктрины рассматриваемой эпохи узус, как письменный, так и устный, играет первоочередную роль, служит главным ориентиром при кодификации языка. Относительное языковое единство и существование социального слоя, чья речь считалась престижной и пригодной для подражания, в ренессансной Португалии решало проблему базы языковой нормы. В этот же период в Италии единственным безусловным авторитетом в том, что касалось языка, были писатели, умершие более чем за столетие до появления первой печатной грамматики итальянского языка, созданной с опорой на их узус [2, с. 202]. Языковая норма, таким образом, оказывалась заведомо оторванной от живого узуса [1, с. 329]. Попытки флорентийских грамматистов сблизить норму с живым узусом современной им Флоренции лишь в отдельных случаях имели успех, тогда как в целом доминирующим в процессе нормализации и кодификации языка надолго остался архаизирующий подход и понимание языковой нормы как искусственного кода, сфера

действия которого ограничена письменной речью [22, с. 44-45].

На примере итальянских и португальских лингвистических сочинений XVI века особенно заметным становится то, как одни и те же вызовы эпохи – развитие книгопечатания, формирование национального самосознания, осмысление роли национального языка и необходимость в его изучении и описании – в разных национальных лингвистических традициях оказываются встречены и осмыслены весьма различным образом. Для португальцев XVI век был эпохой достижений в самых разных областях, и на этом фоне кодификация языка воспринималась как дело государственной значимости и, одновременно, дело, к которому причастно все население страны (учитывая особую роль узуса в процессе кодификации). В Италии XVI век – период, когда страна далека от политического единства; за господство на Апеннинском полуострове борются Франция и Испания, а папский престол и те города и земли, которые сохраняют независимость, действуют в своих интересах, не будучи объединены общей национальной идеологией. В этой ситуации попытки языковой унификации, подготовленные не столько «снизу», путем унификации узуса, сколько «сверху», благодаря литературной моде, оказываются сопряжены с целым набором проблем. В итальянских «спорах о языке» родились и оформились не только лингвистические концепции, оказавшие влияние на формирование и кодификацию итальянской языковой нормы, но и, во многом, сама идея языкового и культурного единства итальянцев, столь важная для дальнейшей истории страны.

Библиографический список (References)

1. Alisova T.B., Chelysheva I.I. History of the Italian Language: from early texts to the XVI century. Moscow: MSU Publishers, 2009.
2. Alisova T.B. Standardization of the Italian Literary Language: XVI century. // Proceedings of the Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences 1960. vol. X: 177-203.
3. Volf E.M. Normalization and Codification: First Grammars and Linguistic Treatises on Ibero-Romance Languages. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 105-127.
4. Volf E.M. The Development of Standard Romance Languages. The Portuguese Language. Moscow: Science, 1983.
5. Kosarik M. A. The Importance of Renaissance for the Development of Linguistics as Science. In: Lomonosov Symposium 1994. Moscow: MSU Publishers, 1994: 38-53.
6. Kosarik M. A. On Certain Peculiarities of the First Grammar of the Portuguese Language by Fernão Oliveira. In: History and Modern State of the Ibero-Romance Languages. Moscow: MSU Publishers, 1988: 44-54.
7. Kosarik M. A. Continuity and Development of Ideas of Apology and Fixation of Language Norm in Portuguese Linguistics. In: Camões Symposium (Proceedings of the First Symposium of Russian Portugalists). Moscow: NTK “Conservatorium”, 1994: 10-12.
8. Kosarik M. A. Sociolinguistic Issues in Early Portuguese Linguistic Treatises. Moscow: MAKSPress, 2013.
9. Semeniouk N.N. Development of Language Norm and Types of Codification Processes. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 23-44.
10. Stepanova L.G. Towards the History of Early Italian Grammars: Unedited Remarks of a Contemporary on the Margins of P. Bembo’s “Prose della volgar lingua” (1525, book III). Saint Petersburg: Science, 2005.
11. Stepanova L.G. XIV-XVI Century Italian Linguistics. Saint Petersburg: Christian Humanities University Publishers, 2000.
12. Chevyshcheva I.I. Theory and Practice of Language Standardization in the XVI Century Italy. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 128-153.
13. Chelysheva I.I. The Development of Romance Literary Languages. The Italian Language. Moscow: Science, 1990.
14. Devoto G. Profile of the History of the Italian Language. Florence: La nuova Italia, 1953.
15. Durante M. From Latin to Modern Italian. Essay on Linguistic and Cultural History. Bologna: Zanichelli, 1994.
16. Gonçalves M.F. Thirty Years of Portuguese Linguistic Historiography. Proceedings of the XXXV International Symposium of Spanish Linguistic Society. Leon, University of Leon, Dpt. of Spanish and Classic Philology, 2006. Electronic Publication: <http://www3.unileon.es/dp/dfh/SEL/actas.htm>.
17. Hall R.A. The significance of the Italian Questione della Lingua. Studies in Philology 1942, Vol. 39; 1: 1-10.
18. Kukenheim L. Outline of the History of Italian, Spanish and French Grammar of the Renaissance. Utrecht: H & S Publishers, 1974.

19. Labande-Jeanroy T. Language Controversy in Italy. Strasbourg; Paris: Istra Maison d'édition, 1925.
20. Marazzini C. Theories. In.: Serianni L., Trifone P. (eds.) History of the Italian Language. Turin: Einaudi, 1993: 231-335.
21. Migliorini B. History of the Italian Language. Florence: Sansoni, 1963.
22. Nencioni G. On Written and Spoken Language. Bologna: Zanichelli, 1983.
23. Nencioni G. Between Grammar and Rhetoric. The Case of Polymorphy in the XIII-XVI Century Literary Language. Florence: Olschki, 1953.
24. Patota G. Grammatical Issues. In.: Serianni L., Trifone P. (eds.) History of the Italian Language. Turin: Einaudi, 1993: 93-139.
25. Skytte G. From Alberti to Fornaciari. Development of the Italian Grammaticography. Revue Romane 1990; 2: 268-278.
26. Trabalza C. History of the Italian Grammaticography. Milan: Hoepli, 1908.
27. Trovato P. History of the Italian Language: Early XVI Century. Bologna, Il Mulino, 1994.
28. Vitale M. Language Controversy. Palermo: Palumbo, 1978.
29. Vallance L. The Dismissed Grammarian. *Regole osservanze, e avvertenze sopra lo scrivere correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi* (Naples, 1545) by Paolo del Rosso, First Tuscan Grammar of the XVI Century. Vox Romanica 2009; 68: 45-97.
30. L.B. Alberti The First Grammar of the Italian Language. The Vatican Grammar. (Ed. by Cecil Grayson). Bologna: Commissione per i Testi di Lingua, 1964.
31. Pietro Bembo Prose reflections on volgar lingua. (Ed. by Mario Marti.) Padua: Liviana, 1955.
32. João de Barros Grammar of the Portuguese Language. Lisbon: Faculty of Philology, 1971.
33. Magalhães P. De Gândavo Rules of writing and Orthography of the Portuguese Language. Introduction by M. L. Carvalhão Buescu. (Facsimile of the first edition, 1574). Lisbon: Biblioteca Nacional, 1981.
34. Paolo del Rosso Rules, Observations and Recommendations on How to Write Correctly in Tuscan Prose and Verse. Naples: 1545.
35. Francesco Fortunio Grammar Rules of the Native Tongue. Bologna: Arnaldo Forni, 1979.
36. Fernão de Oliveira Grammar of the Portuguese Language. Facsimile Edition. Lisbon: Biblioteca Nacional, 1981.
37. Claudio Tolomei The Cesano on the Tuscan Language. Florence: Crusca Accademy, 1996.
38. Giovan Giorgio Trissino Linguistic Treatises. Rome: Salerno Editors, 1986.
39. Benedetto Varchi The Ercolano. Milan: Typography of Italian Classics, 1804.

УДК 821.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 821.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

Н.В. ИЛЮТОЧКИНА

N.V. ILYUTOCHKINA

зав. отделом Дома-музея Государственного мемориального и природного музея-заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»
E-mail: ilunata@yandex.ru

chief of the House-Museum of the I. S. Turgenev State Memorial and Preserve Museum «Spasskoe-Lutovinovo»
E-mail: ilunata@yandex.ru

КОНЦЕПТ ДОМА В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-Х ГОДОВ

CONCEPT OF THE HOUSE IN I.S. TURGENEV'S NOVELS IN 1850-ES

Статья посвящена анализу концепта «дом» в романах И. С. Тургенева. Выявляются основные концептуальные слои, семантический потенциал, индивидуально-авторская реализация художественного концепта.

Ключевые слова: дом как художественный концепт, семантика, концептуальные слои, индивидуально-авторская реализация.

The article is devoted to the analysis of concept "house" in I.S. Turgenev's novels. Semantic potential, the author's individual realization of artistic concept, and main conceptual layers are revealed.

Keywords: house as artistic concept, semantics, conceptual layers, the author's individual realization.

Специфическая тенденция современной науки – поиск смысловых и общекультурных доминант, присутствующих в художественной литературе. Одним из терминов, вошедших в новейшее литературоведение, является «художественный концепт», а одной из аксиологических доминант русского национального сознания и одновременно ключевых понятий, наиболее

репрезентативных для постижения «ценностных кодов» творчества большинства отечественных авторов и И.С. Тургенева, в частности, – «дом». Начиная с Л.В. Пумпянского, исследователями отмечается сходство сюжетных схем тургеневских романов, в построении которых основную роль играет возможность пересечения героями структурной границы дома, яв-